

Георгий
Валентинович
Плеханов

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
Книга вторая

RUGRAM

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ПЗ8

Плеханов, Г. В.

ПЗ8 Н. Г. Чернышевский. Книга вторая / Г. В. Плеханов. — М. : RUGRAM, 2022. — 326 с. — (Навстречу революции).

ISBN 978-5-521-78072-3

Книжная серия «Навстречу революции» — издательский проект, нацеленный на составление современного, всеобъемлющего и наиболее широкого ряда произведений классиков отечественной политической и революционной мысли. Сегодня, оглядываясь на мыслителей прошлого, мы понимаем, что множество книг, легших в основу нашего представления о современности и об общественном укладе, не утратили своей остроты, актуальности и значимости — напротив, сегодня мы можем по-новому взглянуть на труды, выковавшие наш век, и оценить их значимость и вневременность.

Многие труды, выходящие в рамках издательского проекта, долгие годы были недоступны на книжном рынке; выросли поколения, не знающие имена и труды классиков. Задача серии «Навстречу революции» — дать возможность современному читателю ознакомиться и осмыслить классиков революционной мысли, а также понять их значимость для дня сегодняшнего.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-78072-3

© RUGRAM, оформление, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ Политические взгляды Н. Г. Чернышевского

Глава первая *Утопический социализм*

В нашем предыдущем изложении мы уже не раз замечали, что Чернышевский в своих общественных взглядах стоял на точке зрения утопического социализма. Теперь нам нужно подробнее обосновать это замечание.

В философии Чернышевский был последователем Фейербаха. Через философию Фейербаха прошел также и Маркс, который подверг ее коренной переработке. Взгляды Маркса, — правда, в тот период их развития, когда они еще почти ничем не отличались от взглядов Фейербаха, — были отчасти известны Белинскому, которому, как это видно из его переписки, доставило огромное удовольствие знакомство с знаменитыми теперь *Deutsch-Französische Jahrbücher*. Но влияние зарождавшегося марксизма на русскую читающую публику было тогда еще слишком слабо для того, чтобы определить собой направление зарождавшейся русской социалистической мысли. Она еще долго, к сожалению, слишком долго, не поддавалась решительному влиянию трудов Маркса и Энгельса. При выработке своих социалистических воззрений Чернышевский совсем не принимал в расчет научного социализма, который уже в конце 40-х годов

играл значительную роль в истории немецкого рабочего движения, а в 60-х годах, — со времени основания Международного Товарищества Рабочих, — стал мало-помалу приобретать прочное влияние на весь европейский пролетариат. Во всех его сочинениях мы не находим решительно ни одного указания на какое-нибудь, хотя бы самое отрывочное, его знакомство с сочинениями Маркса и Энгельса. Его мысль еще не вышла за пределы утопического социализма, хотя в этих пределах она обнаруживала огромную ясность, смелость и критическую силу.

Сказав это, мы спешим напомнить читателю то, что было сказано нами в предисловии, то есть, что эпитет: «утопический», прилагаемый нами к социализму в известной фазе его развития, совсем не имеет у нас смысла порицания. Он просто-напросто характеризует под нашим пером ту точку зрения, с которой смотрел на общественную жизнь социализм в первой фазе своего развития. Эта точка зрения стала неудовлетворительной с тех пор, как социализм перешел, благодаря Марксу и Энгельсу, на точку зрения науки. Но в свое время утопический социализм оказал огромные услуги делу развития общественной мысли; в числе его представителей мы встречаем целый ряд поистине гениальных людей, и относиться к нему с пренебрежением могут только самодовольные филистеры, не имеющие ни малейшего понятия о том, как развивается человеческая мысль. По той же самой причине нелепо было обижаться на нас, — как обиделись некоторые, не по разуму усердные поклонники Чернышевского, — за то, что мы отнесли нашего великого «просветителя» к числу утопистов. Утопистами были также Сен-Симон, Фурье, Р. Оуэн, а мы смеем думать, что находиться в их компании — значит быть в очень и очень хорошем обществе.

В своей книге «История русской общественной мысли» г. Иванов-Разумник утверждает, что утопическим социалистом Чер-

нышевский не был никогда ¹. Г. Иванов-Разумник подкрепляет это свое мнение ссылками на 6-ю главу «Очерков гоголевского периода русской литературы» и на библиографическую заметку Чернышевского об известной книге Гакстаузуена. И он приходит к тому выводу, что Чернышевский считал утопический социализм «пережившим самого себя», вследствие чего находил лишним сражаться с ним.

Разбирая книгу г. Иванова-Разумника, мы разобрали и этот его взгляд ²; однако здесь мы вынуждены вернуться к нему.

Г. Иванов-Разумник не понимает, что означают слова: утопический социализм. И это его непонимание гармонически дополняется в его книге не пониманием того, что именно говорил об утопическом социализме Чернышевский

В 6-й главе «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевский утверждает, что в то время, когда складывалось миросозерцание Огарева и Герцена, т. е. в тридцатых годах, во Франции возникла новая наука (подчеркнутое нами выражение принадлежит самому Чернышевскому. Г. П.), положения которой высказывались еще в фантастических формах, но на самом деле скрывали в себе «истины и глубокие и благодетельные». И он с большою похвалою указывает на то, что Герцен и Огарев обратили свое внимание на эти истины, не поверив пристрастным и поверхностным отзывам экономистов, которые, не поняв их смысла, осмеивали их, как несбыточную утопию ³. Уже отсюда ясно, что Чернышевский считал отжившими только те формы, в которые облекали свои мысли социалисты-утописты. Содержание же этих мыслей не вызывает возражений с его сто-

¹ «История русской общественной мысли», т. II, изд. 2, стр. 8.

² См. нашу статью «Идеология мещанина нашего времени» в июльской книжке «Современного мира» за 1903 год.

³ Сочинения, II, 194.

роны. Напротив, он считает его «новой наукой», и он не замечает того коренного недостатка, которым отличались самые глубокие из утопических систем и который мешал им, в самом деле, перейти на почву науки.

Так же неудачна ссылка г. Иванова-Разумника на заметку о книге Гакстаузена. В этой заметке Чернышевский писал, что Гакстаузен очень ошибся, вообразив, будто бы в 1847 году, когда была издана его книга, еще находились во Франции серьезные люди, державшиеся системы Сен-Симона. В действительности, времена этой системы, «действительно мечтательной и неосуществимой, прошли задолго до 1847 года, и что в этом году разве какая-нибудь невинная старая девушка держалась во Франции системы Сен-Симона»⁴.

Этот отзыв не оставляет никакого сомнения в том, что Чернышевский не был последователем Сен-Симона. Это так.

Но ведь утопический социализм еще не исчерпывается сенсимонизмом. Отвергая сенсимонизм, Чернышевский мог быть последователем какой-нибудь другой, французской, английской или немецкой утопической системы. Наконец, отвергая все существовавшие до него утопические системы, он мог придумать свою собственную. Следовательно, для понимающего дело человека главный вопрос заключается не в том, одобрял или не одобрял Чернышевский учения того или иного социалиста-утописта, а в том, видел ли он коренную ошибку, свойственную всем без различия системам утопического социализма. Но, чтобы поставить вопрос таким образом, нужно быть именно понимающим дело человеком, т. е. знать, в чем же заключается слабая сторона утопического социализма. Г. Иванов-Разумник этого не знает. Неудивительно, что ничего, кроме путаницы, не вышло из его

⁴ Сочинения, III, 293.

попытки дать нам характеристику социалистических взглядов Чернышевского.

Отношение Чернышевского к Сен-Симону и сенсимонизму лучше всего видно из его статьи «Процесс Менильмонтанского семейства» («Современник», 1860 г., № 5). В этой статье Чернышевский отзываясь о Сен-Симоне, как о человеке необыкновенного ума, редкого благородства и исполненного самого глубокого сочувствия к народу. Основной идеей, выкупающей все ошибки и странности теории Сен-Симона, он считает следующую, «простую и чистую» идею: «для успокоения общества необходимо наискорейшее возможное улучшение материальной и нравственной жизни многочисленного и беднейшего класса. Обязанность каждого хорошего гражданина, каждого честного человека состоит в том, чтобы посвятить все силы этому делу»⁵. Главная же ошибка Сен-Симона состояла, по мнению Чернышевского, в том, что он, составив себе неправильное понятие об исторической роли католицизма, в идеях которого он был воспитан, плохо выяснил себе значение авторитета. «Авторитет существует в рутине, т. е., в делах, в которых не участвует рассудок, — говорит Чернышевский, — рассудок знает факты, убеждается доказательствами, но ничего не принимает по авторитету. В человеческих действиях часто может не быть смысла, но если они совершаются с участием смысла, они бывают результатом собственного самостоятельного соображения обстоятельств и доказательств, а не внушением авторитетов. Думать иначе, верить в возможность авторитета, которому свободно подчинялся бы развитый разум, мог только энтузиаст, экзальтированный фальшивыми рассказами о прежней благотворительности папизма»⁶. Но как ни велика эта ошибка Сен-Симона, Чернышевский не считает по-

⁵ Сочинения, VI, 128.

⁶ Там же, 134.

зволительным насмехаться над его наивностью; он думает, что серьезный человек не должен останавливаться на частных промахах Сен-Симона, а скорее обратить внимание на его правильную основную идею.

Что касается сенсимонистов, то наш автор приводит следующие «три формулы», в которых они выражали результаты своих исторических исследований

«Человечество идет к учреждению всеобщей ассоциации, основанной на любви. Оно идет к тому, чтобы каждый получал по своей способности, а каждая способность по своим делам. Оно идет к организации промышленности»⁷.

Чернышевский думает, что в этих формулах основная мысль сенсимонизма выражается не вполне удачно, и он так критикует их.

Человечество, действительно, идет к замене товариществом или союзом той вражды, которая принимает в промышленности вид конкуренции. Но не любовь ляжет в основу такого союза, а выгода, расчет: «Любовь только в редкие минуты, и только в немногих, особенно способных к экзальтации, людях берет верх над расчетом, да и то может побеждать его только в одном, в двух отдельных фактах, а общий характер действий все-таки остается под властью расчета или рутины, обычая, т. е. того же расчета, только сделанного не лично нами, а целым обществом и сделанного не в эту минуту, а давным-давно и усвоившегося нами по воспитанию»⁸. Сенсимонисты, которые, подобно своему учителю, сами были энтузиастами, думали, что и над всеми людьми энтузиазм может иметь такую же власть, какую он имел над ними.

Ослепленные энтузиазмом, они не заметили и того, что их вторая формула крайне односторонняя. Они хотели, чтобы каж-

⁷ Там же, 137.

⁸ Там же, та же стр.

дый человек пользовался житейскими благами сообразно своим способностям. Это несправедливо. В таком случае Ньютон должен был бы получить сотни миллионов, а какой-нибудь учитель арифметики в приходской школе, имеющий лишь самые ограниченные дарования, должен оставаться нищим. «А что же будет, — спрашивает Чернышевский, — с большинством людей всякого сословия, в которых не обнаруживается способности ни к чему кроме механического исполнения рутин⁹, у которых совершенно нет никаких умственных прав?»⁹. Но это еще не все. Так как у сенсимонистов каждая способность получает по своим делам, то Чернышевский спрашивает кроме того, что же было бы при осуществлении их планов с большими или вообще так или иначе лишенными способности к труду. В противоположность сенсимонистам, он выставляет другой принцип, говоря: «Если общество располагает такими средствами, что за достаточным удовлетворением всех законных потребностей каждого человека остается у него излишек, пусть оно распределяет этот излишек на каком ему угодно основании: раздает ли его по способностям, или по результатам деятельности, или, может быть, по другим расчетам, более выгодным для общественного благосостояния; но прежде всего каждый человек имеет право на удовлетворение своих человеческих потребностей; общество только потому и существует, что предполагается надобность его для обеспечения каждому из его членов полнейшего удовлетворения человеческих нужд»¹⁰.

Не удовлетворяет его и третья формула сенсимонистов — организация промышленности. Такая организация, по его мнению, необходима и даже неизбежна. Весь вопрос в том, как придти к ней и как ее поддерживать. Сенсимонисты хотели действовать авторитетом. Они думали, что люди, облеченные властью, будут

⁹ Там же, 138.

¹⁰ Там же, 138.

стоять выше всяких правил, подобно тому, как воля папы была, по их мнению, верховным законом для католиков в Средние века. После того, что сказано им о Сен-Симоне, Чернышевский не считает нужным делать какие бы то ни было новые замечания об этой «очевидной нелепости»¹¹.

Далее в его статье идет рассказ о том, до каких странных и подчас смешных поступков доходили сенсимонисты в своей крайней экзальтации. Он называет их салонными героями, подвергшимися припадку филантропизма. Но, произнося над ними этот суровый приговор, он оговаривается. Сенсимонистское движение было первым проявлением мысли о преобразовании общества, и это первое ее проявление имеет большую историческую важность. Оно показывает, что пора уже обществу заняться теми реформаторскими идеями, которые на первый раз явились в неудовлетворительной форме сенсимонизма.

В заключение Чернышевский говорит о реформаторских идеях: «Скоро мы увидим, что они стали проявляться в формах более рассудительных и доходить до людей, у которых бывают уже не восторженною забавою, а делом собственной надобности, а когда станет рассудительно заботиться о своем благосостоянии тот класс, с которым хотели играть кукольную комедию сенсимонисты, тогда, вероятно, будет лучше ему жить на свете, чем теперь»¹². Это — в высшей степени важное замечание. Оно показывает, что в своих рассуждениях о будущем западноевропейского социализма, Чернышевский очень

Пропущена 9 страница

летариев в собственном смысле слова? Он говорит и о тех, и о других, и о третьих. Он говорит о всех вообще, не делая никакого различия между различными классами трудящегося населения. И это потому, что зачатки материалистического объясне-

¹¹ Там же, 138–139.

¹² Там же, 150.